

ИОН

Перевод Я. М. Боровского

ВВЕДЕНИЕ

I

Вопрос о природе поэтического творчества, составляющий основную тему „Иона“ и неоднократно затрагиваемый и в других Платоновских диалогах, был близок Платону не только как философу, но и как поэту. Дошедшие до нас известия говорят, что в молодости Платон предназначал себя к поэтической деятельности и только после встречи с Сократом отказался от нее ради философии, причем уничтожил все свои опыты в эпической и драматической поэзии. Главный интерес этих известий заключается не в характеристике Платона, как поэта по природе — с этой стороны его достаточно характеризует художественное совершенство его диалогов, — а в свидетельстве об осознании им противоположности между поэзией и философией, противоположности, образно очерченной в том сне, который видит в темнице Сократ, испытывающий обратную Платоновой духовную эволюцию (Федон, 60 С — 61 В). Одно из оснований этой противоположности составляет — позволяем себе воспользоваться термином современной философии — трансцендентный характер поэзии: по воззрению Платона, не „творец“ в собственном смысле слова, а лишь передатчик того, что ему внушено божеством. „Для того бог отнимает у поэтов рассудок и делает их своими слугами, вещателями и прорицателями, чтобы мы, слушающие их, знали, что не они, лишённые рассудка, говорят такие драгоценные слова, а говорит это сам бог и через них подает нам голос“ — таков взгляд, с особой обстоятельностью развиваемый Платоном в „Ионе“.

II

Хотя по своей внутренней значительности тема о сущности поэзии и стоит в центре диалога, но в его общей композиции она является лишь эпизодической. Разговор происходит между Сократом и эфесцем Ионом. Ион — знаток Гомера. По профессии он сказитель — рапсод. Не ограничиваясь обычной для рапсодов публичной декламацией Гомеровских поэм, он занимается их толкованием и приписывает себе в этом такое искусство, какого не достигал никто из его предшественников. Наивно самодовольная похвальба Иона, только что вернувшегося с праздника, где он одержал блестящую победу в состязании рапсодов, вызывает со стороны Сократа расспросы о различных частностях, отличающих талант Иона. Главная из них, непонятная и для самого рапсода, та, что в то время, как при одном упоминании о Гомере, он делается красноречивее

всех людей, Гесиод, Архилох и все остальные поэты оставляют его совершенно равнодушным. Сократ объясняет это тем, что рапсод, подобно поэту, не самостоятелен в своем творчестве: как поэт, создавая песнь, говорит не то, что он сам знает, а то, что внушено ему „одержажим“ его богом, так и каждый рапсод „одержим“ каким-нибудь поэтом, и способен передавать слушателям только сообщившееся ему вдохновение поэта, а не свои собственные мысли.

Пока речь идет об одержимости поэтов, Ион охотно соглашается с Сократом; но он решительно отказывается признать, что и сам он „восхваляет Гомера в одержимости и безумии“, утверждая, что источником красноречия во всем, что касается Гомера, ему служит знание тех вещей, о которых говорит Гомер. Однако, Сократ на длинном ряде примеров заставляет Иона согласиться, что те знания, которые он себе приписывает, относятся не к искусству рапсода, а к искусствам возничего, врача, военачальника и т. д. При всем старании, Иону не удается показать тех знаний, которые делают его „искусным хвалителем Гомера“ и, в конце концов, он, поставленный перед дилеммой оказаться несправедливым, т. е. не сдержавшим обещания проявить свою ученость, или „божественным, но не ученым хвалителем Гомера“, скрепя сердце, соглашается на последнее.

III

Изображение Иона носит явные черты карикатурности, с особенной яркостью выступающие в конце диалога, когда Ион договаривается до того, что он не только лучший рапсод, но и лучший военачальник среди эллинов, которому только политические условия времени не позволяют проявить свой талант на деле. Некоторые исследователи пытались указать для этой карикатурности специальную мотивировку, полагая, что в лице Иона Платон высмеивает своего противника в философии, Антисфена, основателя Кинической школы. Предположение крайне искусственное, если принять во внимание презрительное отношение к рапсодам самого Антисфена, засвидетельствованное Ксенофонтом (Пир, 3, 6): Никерату, хвастающемуся знанием наизусть Илиады и Одиссеи, Антисфен возражает, что этим знанием обладают и рапсоды, глупее которых нет людей. Что же касается наивно-реалистического взгляда на искусство поэта, как на знание тех вещей, о которых он говорит, лежащего в основе мыслей, высказываемых Ионом, — именно против этого взгляда Иона и направлена ирония Сократа, противопоставляющего ему свое понимание поэзии, как результата божественного вдохновения, — то нет никаких оснований полагать, что такое отношение к поэзии было менее распространено среди современных Антисфену и Платону профессиональных толкователей Гомера, чем среди грамматиков более позднего времени. Таким образом, хотя сведений об Ионе, помимо диалога, носящего его имя, не сохранилось, ничто не препятствует считать его за действительного представителя рапсодов. На этом предположении, как на самом естественном, и следует остановиться, если принять во внимание, что собеседниками Сократа в диалогах Платона большей частью являются исторические лица.

IV

Здесь мы подходим к вопросу о принадлежности рассматриваемого диалога Платону, вопросу, исторически связанному с истолкованием его основной мысли. Многие исследователи считали „Иона“ подложным, находя развиваемую в нем теорию поэзии недостойной Платона. При этом, конечно, имеется в виду не центральное место, где Сократ говорит о божественном вдохновении поэтов и рапсодов, а сопоставление искусства рапсода с различными ремеслами (537 сл.), где, якобы, владеющие этими ремеслами признаются компетентными ценителями поэзии Гомера. Все же учение о вдохновении свыше при этом считается простой иронией: как можно говорить серьезно о вдохновенности какого-то Иона!

Яркий образец такого понимания „Иона“ мы находим у Гёте, который в статье „Plato als Mitgenosse einer christlichen Offenbarung“ (1796) утверждает, что „если бы в Ионе был хоть проблеск понимания поэзии, то на глупый вопрос Сократа, кто лучше понимает Гомера, когда он говорит об управлении колесницами, возница или рапсод, он смело ответил бы: конечно, рапсод, потому что возница знает только, правильно ли говорит Гомер, а рапсод знает, говорит ли он так, как нужно, выполняет ли он свой долг поэта, а не изобразителя конных состязаний“.

Достаточно внимательно проследить диалектическое построение „Иона“, чтобы убедиться в ошибочности такого понимания. Действительно, превосходство возницы перед рапсодом в толковании Гомера утверждается Сократом лишь как необходимое следствие воззрений самого Иона, рассматривающего искусство рапсода, как ремесленное знание одного порядка со знаниями возницы, гадателя и т. д. Потому Ион и должен согласиться с этим превосходством и не может воспользоваться подсказываемым ему Гёте ответом, предполагающим существование специфической способности эстетической оценки. Но к тому, чтобы методом *reductio ad absurdum* заставить увертывающегося, как Протей, Иона признать существование этой способности, специфический характер которой, с отстаиваемой Сократом точки зрения Платоновой философии, заключается в ее божественном происхождении, — к этому-то и клонится все рассуждение Сократа после того, как он развил свою теорию поэтического и рапсодического искусства. Итак, если не видеть у автора „Иона“ иронии там, где он высказывает свое подлинное убеждение, и не возлагать на него ответственности за те взгляды, которые он опровергает, то ничто в содержании „Иона“ не дает повода отрицать его принадлежность Платону. Напротив, основная мысль диалога представляет собой одну из излюбленных мыслей Платона, с которой мы встречаемся в произведениях, относящихся к самым различным периодам его творчества (Апология, 22 D; Федр, 245 A сл.; Менон, 99 D; Государство, 595 C сл.; Законы, 719 C).

V

Считать ли „Иона“ обобщением и развитием этих параллельных мест или, наоборот, той основой, которой они обязаны своим существованием? То обстоя-

тельство, что некоторые из них относятся к позднейшим творениям Платона, делает первое из этих предположений невозможным. Но есть в построении Иона и внутренний признак, заставляющий видеть в этом диалоге исток всей Платоновой философии мусических искусств.

Сократ не предлагает Иону свою теорию божественного вдохновения, как что-то готовое: она зарождается на глазах читателя. После первого намека на неведомый источник красноречия Иона, независимый от „выучки и знания“ (534 С), Сократ как бы забывает о нем; беседа готова направиться по совершенно иному, более того, по противоположному направлению. „Ты можешь говорить о Гомере, и не можешь — об остальных поэтах. Да разве ты видел когда-нибудь человека, который умел бы говорить о Полигноте, и не умел — об остальных художниках? Или умел бы о Фамире, Орфее и Фемии и не умел — об Ионе?“. Ион чувствует, к чему ведут эти вопросы. Мы, вместе с ним, готовы услышать из уст Сократа заключение его индукции: „кто может говорить об одном мастере в каком-либо искусстве, тот может говорить и об остальных“. Но Ион твердо стоит на своем: „о Гомере я хорошо говорю, а об остальных нет; вот и сообрази, что́ это значит“. И тут только Сократ — хотелось бы поставить перед его словами ремарку „продолжительная пауза“ — отвечает ему своей великолепной и глубокомысленной речью.

Не изобразил ли Платон в колебании Сократа между двумя противоположными воззрениями на сущность восприятия поэзии ход своей собственной творческой мысли? Нам кажется, что художественное совершенство „Иона“ дает право видеть и в рассматриваемом месте диалога нечто более значительное, чем логическую спутанность. „Ион“ — не изложение готовой теории, а исследование. А если так, если в этом диалоге Платон впервые детально уяснил себе столь важный пункт своего мировоззрения, каким было для него отношение к поэзии, то надо считать „Иона“ одним из ранних произведений философа.

В общем, к тому же выводу заставляет прийти и рассмотрение диалога с формальной стороны: тут прежде всего нужно указать на простоту драматургической композиции при высоком совершенстве драматической выразительности — свойство, отличающее ранние, так называемые Сократические, диалоги.

Другим формальным признаком для датировки произведений Платона служит сравнение их с точки зрения языка. Стилистический анализ „Иона“ заставляет Арнима¹ поместить его между обоими Гиппиями, Хармидом, Лахетом и Лисисом, с одной стороны, и Протагором — с другой.

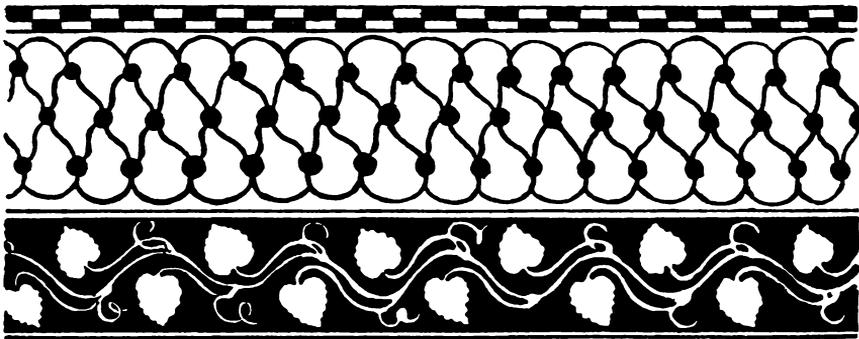

Русский перевод — Влад. Соловьева в I т. „Творений Платона“; там же рассуждение его о диалоге.

Я. Боровский.

---

¹ Arnim, Sprachliche Forschungen, 234.

Сократ. Иону доброго здоровья! Откуда ты теперь к нам 530
прибыл? Из дому — из Эфеса? ¹.

Ион. Совсем нет, Сократ, — из Эпидавра ², с празднеств
Асклепия ³.

Сократ. Разве эпидаврийцы устраивают в честь бога со-
стызания и в искусстве рапсодов? ⁴.

Ион. Конечно, равно как и в других мусических искус-
ствах.

Сократ. Что же, и мы участвовали в состязаниях? С каким
успехом?

Ион. Мы получили первую награду, Сократ.

Сократ. Вот это хорошо! Смотри же, чтобы мы победили и в
на Панафинях! ⁵.

Ион. Да так и будет, если бог захочет.

Сократ. Да, Ион, часто я завидовал вам, рапсодам, что у
вас такое занятие. Действительно, ведь завидно: благодаря
ему, вам следует всегда быть нарядными и иметь самый
красивый вид, а вместе с тем вам приходится общаться со
многими хорошими поэтами, прежде всего с Гомером, самым
лучшим и божественнейшим из поэтов, и изучать его мысли,
а не только слова. Ведь нельзя стать хорошим рапсодом, не
понимая того, что говорит поэт; рапсод должен стать истол-
кователем мыслей поэта для слушателей, а незнающему, что
говорит поэт, невозможно хорошо сделать это. Есть чему тут
позавидовать!

2

Ион. Ты прав, Сократ. Для меня научиться всему этому и было самым трудным в моем искусстве; и я думаю, что говорю
D о Гомере лучше всех людей, так что ни Метродор Лампсакский, ни Стесимброт Фасосский, ни Главкон, ни другой кто из бывших когда-либо не в состоянии высказать о Гомере столько прекрасных мыслей, как я⁶.

Сократ. Это хорошо, Ион; ведь наверное, ты не откажешься изложить их мне.

Ион. Да, Сократ, действительно, стоит послушать, как хорошо я разукрасил Гомера; я считаю себя достойным того, чтобы Гомериды⁷ увенчали меня золотым венцом.

Сократ. Я еще удосужусь послушать тебя. А сейчас скажи
531 мне вот что: только ли ты относительно Гомера силен, или также и относительно Гесиода и Архилоха?

Ион. Нет, нет, только относительно Гомера; мне кажется, и этого достаточно.

Сократ. А ведь бывает, что и Гомер и Гесиод говорят одно и то же?

Ион. Я думаю, бывает, и даже нередко.

Сократ. Так то, что об этом говорит Гомер, ты лучше истолковал бы, чем то, что говорит Гесиод?

Ион. То, Сократ, о чем они говорят одно и то же, я истолковал бы одинаково.

B Сократ. А о чем они говорят не одно и то же? Например, об искусстве гадания говорят ли что-нибудь и Гомер и Гесиод?

Ион. Конечно.

Сократ. Что же, кто истолковал бы лучше сходство и различие обоих этих поэтов в том, что они говорят об искусстве гадания, ты или кто-нибудь из хороших гадателей?

Ион. Кто-нибудь из гадателей.

Сократ. А если бы ты был гадателем, то ты умел бы толковать и различно сказанное, будучи в состоянии истолковать одинаково сказанное?

Ион. Ясно, что так.

C Сократ. Как же это ты силен в том, что касается Гомера, а в том, что касается Гесиода и остальных поэтов, не силен?

Разве Гомер говорит о чем-нибудь другом, а не о том же, о чем говорят все остальные поэты? Разве он не распространяется большею частью о войне и общении между собой людей добрых и злых, участвующих и не участвующих в общественной деятельности, и о богах, как они общаются друг с другом и с людьми, и о том, что происходит на небе и в преисподней, и о происхождении богов и героев? Не это ли составляет предмет поэзии Гомера?

Ион. Ты говоришь правду, Сократ.

3

Сократ. А другие поэты говорят не о том же самом?

Ион. Да, Сократ, но они творят не так, как Гомер.

Сократ. Что же? Хуже?

Ион. Да, гораздо хуже.

Сократ. А Гомер лучше?

Ион. Конечно, лучше, клянусь Зевсом.

Сократ. А неправда ли, милый Ион, если из многих, говорящих о числе, один будет говорить лучше всех, то ведь кто-нибудь распознаёт хорошо говорящего?

Ион. Согласен.

Сократ. Будет ли это тот же самый, что распознаёт и худо говорящих, или другой?

Ион. Конечно, тот же самый.

Сократ. Не тот ли это, кто владеет искусством счисления?

Ион. Да.

Сократ. А что, если несколько человек будут говорить о том, какая пища здорова, и кто-нибудь из них будет говорить лучше всего, то один распознаёт говорящего лучше всего, а другой — говорящего хуже, или один и тот же распознаёт обоих?

Ион. Конечно, один и тот же; это ясно.

Сократ. Кто это? Как он называется?

Ион. Врач.

Сократ. Итак, скажем вообще: если несколько человек будут говорить об одном и том же, то всегда один и тот же распознаёт, кто говорит хорошо и кто худо; иначе говоря, если он

532 не распознаёт худо говорящего, то, ясно, он не распознаёт и хорошо говорящего, раз они говорят об одном и том же.

Ион. Верно.

Сократ. Итак, один и тот же бывает силен относительно обоих?

Ион. Да.

Сократ. А ты говоришь, что и Гомер и остальные поэты, в том числе и Гесиод и Архилох, говорят хотя и об одном, но неодинаково: Гомер хорошо, а те хуже.

Ион. Да, и я говорю правду.

Сократ. Итак, если ты распознаёшь говорящих хорошо, то в распознал бы и говорящих хуже?

Ион. Понятно.

Сократ. Значит, дорогой мой, мы не ошибемся, если скажем, что Ион одинаково силен и относительно Гомера и относительно остальных поэтов, раз он сам соглашается, что один и тот же будет хорошим судьей всех, которые говорят об одном и том же; а ведь поэты почти все воспевают одно и то же.

4

Ион. Так какая же причина, Сократ, что когда кто-нибудь говорит о другом поэте, я не обращаю на это внимания и не могу добавить ничего значительного, а просто дремлю, между тем лишь только кто-нибудь упомянет о Гомере, я тотчас пробуждаюсь, становлюсь внимательным и знаю, что сказать?

Сократ. Об этом нетрудно догадаться, друг мой. Всякому ясно, что ты не можешь говорить о Гомере при помощи выучки и знания; если бы ты мог делать это благодаря выучке, ты мог бы говорить и о всех остальных поэтах: ведь все это, взятое в его целом, и есть поэтическое искусство. Не так ли?

Ион. Да.

D Сократ. А если взять любое другое искусство в его целом, не одним ли и тем же образом можно будет рассуждать относительно каждого из искусств? Хочешь выслушать меня, почему я так говорю, Ион?

Ион. Очень хочу, Сократ, клянусь Зевсом; я люблю слушать вас, мудрецов.

Сократ. Хотел бы я, Ион, чтобы это была правда; но мудрецы то, скорее, вы, рапсоды, актеры и те, чьи творения вы поете, а я всего только говорю правду, как подобает обыкновенному человеку. Вот и в том, о чем я теперь спросил тебя, Е посмотри, как незамысловато, просто и доступно всякому понять то, что я сказал—что рассмотрение останетя тем же, если взять искусство в целом. В самом деле, разберем последовательно. Существует ли, хотя бы, искусство живописи, как целое?

Ион. Да.

Сократ. Много было и есть живописцев, хороших и плохих?

Ион. Совершенно верно.

Сократ. Так вот, видел ли ты кого-нибудь, кто относительно Полигнота, сына Аглафонта, искусен объяснить, что в его живописи хорошо и что нет, а относительно других живописцев — 533 бессилен; и когда кто-нибудь говорит о творениях всех прочих живописцев, то он дремлет, становится втупик и не может ничего ответить; а когда нужно высказать мнение о Полигноте или другом, каком хочешь, отдельном живописце, то пробуждается, становится внимательным и знает, что сказать?⁸

Ион. Нет, клянусь Зевсом, я не видел такого человека.

Сократ. Ну, а в ваянии, видел ли ты кого-нибудь, кто искусен толковать о Дедале, сыне Метиона, или Эпее, сыне Панопея, или Феодоре Самосце, или о другом каком-нибудь одном В ваятеле, и о том, что он хорошо изваял, а перед творениями других ваятелей становится втупик и дремлет, не зная, что сказать?⁹

Ион. Нет, клянусь Зевсом, не видывал такого.

Сократ. И, наверное, думаю я, ни в игре на флейте, ни в игре на кифаре, ни в пении с сопровождением кифары, ни в искусстве рапсодов, ты никогда не видал человека, который искусен говорить об Олимпе, о Фамире, об Орфее или о Фемии, С Ифакийском рапсоде¹⁰, а перед Ионом Эфесцем становится втупик и не может сообразить, что в его пении хорошо и что нет.

Ион. Мне нечего возразить на это, Сократ. Я только уверен, что о Гомере я говорю лучше всех людей и при этом бываю находчив; и все другие подтверждают, что о Гомере я хорошо говорю, а об остальных нет. Вот и сообрази, что это значит.

5

Сократ. Соображаю, Ион, и сейчас объясню тебе, что это, по моему, значит. Твоя способность хорошо говорить о Гомере, это, как я сейчас говорил, не умение, а божественная сила, которая тобою двигает, как в том камне, который Еврипид назвал магнесийским, а большинство называет гераклейским¹¹. Этот камень тоже не только притягивает железные кольца, но и сообщает им такую силу, что они могут делать то же самое, что и камень, притягивать другие кольца, так что иногда получается длинная цепь из кусочков железа и колец, одного за другим; и всем им дает силу тот камень. Так и Муза сама вдохновляет одних, а от этих тянется цепь других вдохновенных. Ведь все хорошие эпические поэты не благодаря умению создают свои прекрасные поэмы, а когда становятся вдохновенными и одержимыми; равно и хорошие мелические¹² поэты, подобно⁵³⁴ тому как корибанты пляшут в исступлении¹³, так и они в исступлении творят свои прекрасные песни и, когда овладеют гармонией и ритмом, становятся вакхантами и одержимыми; как вакханки, будучи одержимы, черпают из рек мед и молоко, а находясь в здравом уме — не черпают, так бывает и с душой мелических поэтов, и они сами свидетельствуют об этом. Ведь говорят же нам поэты, что они летают как пчелы и приносят нам свои песни, собранные у медовых источников в садах и рощах Муз. И они говорят правду: поэт — это нечто легкое, крылатое и священное; он может творить не ранее, чем сделается вдохновенным и исступленным и не будет в нем более рассудка; пока же у человека есть это достояние, он неспособен творить и вещать¹⁴. И вот поэты творят и говорят много прекрасного о различных вещах, как ты о Гомере, не от умения, а по божественному наитию, и каждый может хорошо творить только то, на что его подвинула Муза — этот дифирамбы, тот энкомии, тот ипорхемы, тот эпические поэмы, тот ямбы¹⁵; во всем же прочем каждый из них слаб. Ибо не от умения они это говорят, а от божественной силы: ведь если бы они, благодаря умению, могли хорошо говорить об одном, то могли бы говорить и обо всем прочем; но бог отнимает у них рассудок и делает их своими слугами, вещателями и божественными прорицателями для того, чтобы мы, их

слушатели, знали, что не они, лишенные рассудка, говорят такие драгоценные слова, а говорит это сам бог и через них подает нам голос. Лучшее свидетельство этому Тинних Халкидец¹⁶, который ни разу не создал ничего достойного упоминания, кроме того пеана¹⁷, который все поют, эту, пожалуй, прекраснейшую из всех песен; это была просто какая-то находка Муз, как Тинних и сам говорит. Тут, мне кажется, бог яснее всего показал нам, чтобы мы не сомневались, что не человеческого происхождения эти прекрасные поэмы и не людьми они созданы, а происхождения божественного и созданы богами, поэты же — не что иное, как истолкователи богов, одержимые каждый тем богом, который им владеет. Чтобы указать на это, бог нарочно пропел прекраснейшую песнь устами самого слабого поэта.⁵³⁵ Разве, по твоему, не правду я говорю, Ион?

Ион. По моему, правду, клянусь Зевсом; твои речи захватывают мою душу, Сократ, и мне кажется, что хорошие поэты, благодаря божественной силе, передают нам эти творения от богов.

6

Сократ. А вы, рапсоды, в свою очередь истолковываете творения поэтов?

Ион. И в этом ты прав.

Сократ. Стало быть, вы оказываетесь истолкователями истолкователей?

Ион. Совершенно верно.

Сократ. Скажи мне вот что, Ион, не скрой от меня того, **В** о чем я тебя спрошу. Когда ты хорошо споешь эпическую поэму и особенно поразишь зрителей тем местом, где Одиссей вскакивает на порог, открываясь женихам, и сыплет перед собой стрелами¹⁸, или споешь об Ахилле, ринувшемся на Гектора, или что-нибудь жалостное об Андромахе, о Гекабе, или о Приаме¹⁹, в уме ли ты тогда, или вне себя, так что твоя душа, вдохновленная, мнит себя там, где совершаются события, о которых ты поешь, — на Ифаке, в Трое, или где бы то ни было?

Ион. Какое веское доказательство ты привел мне, Сократ! Отвечу тебе, не таясь. Когда я пою что-нибудь жалостное, у

меня глаза полны слез, а когда страшное и грозное — волосы становятся дыбом от страха и сердце бьется.

Д Сократ. Что же, Ион? Назовем ли мы находящимся в здравом рассудке того человека, который, нарядившись в расцвеченную одежду и надев золотой венец, станет плакать среди жертвоприношений и празднеств, ничего не потеряв из своего убранства, или будет испытывать страх, находясь среди более чем двадцати тысяч дружелюбно расположенных людей, когда никто его не раздевает и не обижает?

Ион. Клянусь Зевсом, Сократ, такой человек совсем не в здравом рассудке, если говорить правду.

Сократ. Знаешь ли, что то же самое вы делаете и со многими из слушателей?

Е Ион. Знаю, и очень хорошо: я каждый раз вижу сверху, с возвышения для певцов, как слушатели плачут и испуганно глядят и поражаются тем, что я говорю. Ведь мне необходимо очень внимательно следить за ними: если я заставлю их плакать, то сам буду смеяться, получая деньги, а если заставлю смеяться, — сам заплачу, лишившись денег.

7

Сократ. Теперь ты понимаешь, что такой слушатель — последнее из тех звеньев, которые, как я говорил, получают одно от другого силу, благодаря гераклейскому камню. Среднее звено, ⁵³⁶ это ты, рапсод и актер, первое — это сам поэт, а бог через вас всех влечет душу человека, куда захочет, сообщая силу через одного другому. И тянется, как от того камня, длинная цепь хоревтов, учителей и младших учителей, привешенных сбоку к звеньям, соединенным с Музой. И один поэт привешен к одной Музе, другой к другой. Мы обозначаем это словом „одержим“, ^в и это почти то же самое: ведь Муза держит его. А за этими первыми звеньями, поэтами, привешены другие вдохновленные, кто за кем: один за Орфеем, другой за Мусеем²⁰; большинство же одержимы Гомером, или Гомер держит их. Один из них — ты, Ион, и Гомер держит тебя. Когда кто-нибудь поет творения другого поэта, ты спишь и не знаешь, что сказать, а когда запойт ^с песнь этого поэта, ты тотчас пробуждаешься, и твоя душа пля-

шет, и ты знаешь, что́ сказать. Ибо то, что́ ты говоришь о Гомере, ты говоришь не от умения и знания, а от божественного определения и одержания; как корибанты чутко внемлют только напеву, исходящему от того бога, которым они одержимы, и для этого напева у них достаточно и телодвижений и слов, о других же они не помышляют, так и ты, Ион, когда кто-нибудь вспомнит о Гомере, знаешь, что́ сказать, а об остальных — не знаешь. И причина того, о чем ты меня спрашиваешь — почему ты о Гомере знаешь, а об остальных нет — причина этого та, что не путем выучки, а по божественному определению ты — искусный хвалитель Гомера. D

8

Ион. Хорошо ты говоришь, Сократ; а все же я удивился бы, если бы тебе удалось убедить меня, что в одержании и безумии я восхваляю Гомера. Я думаю, что и тебе не показалось бы так, если бы ты послушал, как я говорю о Гомере.

Сократ. Да я и хочу послушать, только не раньше, чем ты ответишь мне вот на что: из того, что́ говорит Гомер, о чем ты хорошо говоришь? Ведь не обо всем же, конечно. E

Ион. Знай, Сократ, что обо всем без исключения.

Сократ. Но ведь не о том же, чего ты не знаешь, а Гомер об этом говорит?

Ион. А что это такое, о чем Гомер говорит, а я не знаю?

Сократ. Ведь Гомер часто и много говорит о различных искусствах, например, об управлении колесницей — сейчас скажу тебе, если вспомню место. 537

Ион. Да я сам скажу, я помню.

Сократ. Так скажи мне, что́ говорит Нестор своему сыну Антилоху, советуя ему быть осторожным на повороте, при состязании колесниц на тризне Патрокла.

Ион. „Сам же ты“,
говорит он,

„в кузове стоя, подайся немного всем телом
Влево от быстрых коней и хлестни свою правую лошадь,
Голосом громким оклики и возжи ослабь ей немедля.
Левая в то же мгновенье пусть цель огибает вплотную,

B

Так, чтоб казалось тебе, будто ось колеса ее тронет.
Но осторожнее будь, берегись, не задеть бы за камень²¹.

Сократ. Довольно. Вот в этом месте, Ион, кто лучше узнал бы
с правильно ли говорит Гомер или нет, — врач или возница?

Ион. Конечно, возница.

Сократ. Потому что он владеет этим искусством, или по
другой причине?

Ион. Нет, благодаря искусству.

Сократ. И каждому искусству дано от бога знать какое-
нибудь дело? Ведь то, что мы познаём через искусство корм-
чего, мы не познаём через искусство врача.

Ион. Конечно, нет.

Сократ. И через искусство строителя — то, что познаём
через искусство врача?

Ион. Конечно, нет.

Д Сократ. Не так ли и во всех искусствах — что мы познаём
через одно искусство, того не познаём через другое? Но сна-
чала скажи мне вот что: не называешь ли ты одно искусство
так, а другое иначе?

Ион. Да.

Сократ. И я, замечая, что одно искусство есть знание од-
них вещей, а другое — других, называю одно так, а другое иначе;
так же поступаешь и ты?

Е Ион. Да.

Сократ. Ведь если бы и то и другое искусство было зна-
нием одних и тех же вещей, то зачем стали бы мы называть одно
так, а другое иначе, раз одно и то же можно было бы узнать
через посредство обоих? Вот, например, я знаю, что здесь пять
пальцев, и ты знаешь о них то же самое, что и я; и если бы я
тебя спросил, одним ли искусством — искусством счисления —
познаём одно и то же и я и ты, или разными, ты, конечно, ска-
зал бы, что одним и тем же.

Ион. Да.

538 Сократ. Вот теперь скажи мне то, о чем я раньше спраши-
вал: думаешь ли ты, что так бывает во всех искусствах — одним
искусством приходится познавать одно и то же, а другим не
то же самое, а другое, если оно само другое.

Ион. Я думаю, что так, Сократ.

9

Сократ. Не правда ли, кто не обладает одним каким-либо искусством, тот не будет способен хорошо познавать то, что говорится или делается согласно этому искусству?

Ион. Ты прав.

Сократ. А кто лучше узнаёт, правильно ли говорит Гомер в том месте, которое мы привели—ты или возница?

Ион. Возница.

Сократ. Ведь ты — рапсод, а не возница.

Ион. Да.

Сократ. А искусство рапсода — иное по сравнению с искусством возницы?

Ион. Да.

Сократ. И раз оно иное, то оно есть знание иных вещей?

Ион. Да.

Сократ. Ну, а когда Гомер говорит, как Гекамеда, наложница Нестора, дает раненому Махаону питье, приблизительно в таких словах:

„В кубок с прамнейским вином“,
говорит,

„натерла козьего сыру

Медною теркой и луку дала в приправу к напитку²²,

то, чтобы распознать, правильно ли говорит Гомер, или нет, нужно врачебное искусство, или искусство рапсода?

Ион. Врачебное.

Сократ. А когда Гомер говорит:

В бездну нырнула богиня, как груз упадет свинцовый,

Если, привязанный к рогу степного быка он стремится

Быстро ко дну и приносит погибель прожорливым рыбам²³,

то как мы скажем: искусство рыболова или рапсода скорее разберет, что он говорит, и правильно ли или нет?

Ион. Ясно, Сократ, что искусство рыболова.

Сократ. Посмотри же, если бы ты, задавая мне вопрос, сказал: Раз ты, Сократ, находишь у Гомера то, о чем подобает судить каждому из этих искусств, так вот найди мне и для гада-

теля и его искусства, о чем ему подобает распознавать, хорошо ли или плохо это сочинено, — посмотри, как легко я тебе верно отвечу. Часто он говорит это и в Одиссее, например, то, что говорит женихам гадатель из рода Мелампа, Феоклимен²⁴:

- 539 Вы, злополучные, горе вам, горе! невидимы стали
 Головы ваши во мгле, и невидимы ваши колена;
 Слышен мне стон ваш, слезами обрызганы ваши ланиты;
 И привиденьями, в бездну Эреба бегущими, полны
 Сени и двор, и на солнце небесное, вижу я, всходит
 В Страшная тень, и под ней вся земля покрывается мраком²⁵.

Часто и в Илиаде, например, в сражении у стен: ведь и там он говорит:

- Ибо в тот миг, как уже перейти через ров собирались,
 Птица явилась им слева, орел, в поднебесьи парящий,
 С чудищем страшным в когтях, со змеей, обогренною кровью.
 Та извивалась еще и, живая, готовилась к битве,
 Ибо, назад изогнувшись, орла, что держал ее крепко,
 В грудь укусила близь шеи, и он, изнемогши от боли,
 Наземь швырнул ее прочь, уронив среди войска данайцев,
 D Сам же, пронзительно крикнув, с дыханием ветра помчался²⁶.

Вот это, скажу я, и подобное этому, надлежит гадателю и рассматривать и судить об этом.

Ион. И ты будешь прав, Сократ.

10

Сократ. Да и ты прав, Ион, говоря это. Ну-ка, теперь и ты выбери мне, как я тебе выбрал из Одиссеи и из Илиады то, что принадлежит гадателю, и то, что врачу, и то, что рыболову; так и ты, Ион, выбери мне — ты же и опытнее в Гомере, — что подобает рапсоду рассматривать и о чем судить предпочтительно пред всеми другими людьми.

Ион. Я утверждаю, Сократ, что обо всем.

Сократ. Только не ты это утверждаешь, Ион, будто обо всем; или ты так забывчив? А не следовало бы рапсоду быть забывчивым.

Ион. Что же я забыл?

540

Сократ. Не помнишь разве, как ты говорил, что искусство рапсода — иное по сравнению с искусством возницы?

Ион. Помню.

Сократ. И соглашался, что оно, будучи иным, и ведать будет иное?

Ион. Да.

Сократ. Значит, по твоим же собственным словам, уже не все будет ведать искусство рапсода и рапсод.

Ион. Ну, разве кроме вот таких вещей, Сократ.

Сократ. Говоря „такие вещи“, ты, вероятно, хочешь сказать: кроме того, что принадлежит другим искусствам; но что же именно будет оно ведать, раз не ведает все? B

Ион. То, что подобает сказать, думаю я, мужчине и что женщине, что рабу и что свободному, что подчиненному и что начальнику.

Сократ. А то, что подобает сказать начальнику на море, когда корабль застигнут бурей, по твоему, рапсод будет знать лучше, чем кормчий?

Ион. Нет, это лучше знает кормчий.

Сократ. Или то, что должен сказать начальник больному, рапсод будет знать лучше, чем врач? C

Ион. И это нет.

Сократ. Но, ты говоришь, то, что подобает сказать рабу?

Ион. Да.

Сократ. Например, то, что подобает сказать рабу-волопасу, укрощающему взбесившихся быков, по твоему, будет лучше знать рапсод, а не волопас?

Ион. Нет, конечно.

Сократ. Или то, что подобает сказать женщине-пряжке, прядушей шерсть? D

Ион. Нет.

Сократ. Или он будет знать то, что подобает сказать мужу-военачальнику, увещающему воинов?

Ион. Да, вот это рапсод будет знать.

11

Сократ. Что же, искусство рапсода, это — искусство военачальника?

Ион. Я то, по крайней мере, знал бы, что подобает сказать военачальнику.

Сократ. Потому что ты, вероятно, и в искусстве военачальника сведущ, Ион. Ведь если бы оказалось, что ты владеешь одновременно и искусством верховой езды и искусством игры на кифаре, ты узнавал бы хорошее и дурное управление конем; но если бы я тебя спросил: каким же искусством, Ион, ты узнаешь хорошее управление конем? Тем, благодаря которому ты наездник, или — благодаря которому ты кифарист? — что ответил бы ты мне?

Ион. Тем, благодаря которому я наездник, сказал бы я.

Сократ. И если бы ты распознавал хорошо играющих на кифаре, ты согласился бы, что распознаешь это тем искусством, благодаря которому ты — кифарист, а не тем, благодаря которому ты — наездник?

Ион. Да.

Сократ. А если ты распознаешь то, что относится к воинскому делу, то тем ли искусством, благодаря которому ты сведущ как военачальник, или тем, благодаря которому ты хороший рапсод?

Ион. По моему, это совершенно безразлично.

541 Сократ. Как? Ты говоришь, что это совершенно безразлично? Искусство рапсода и искусство военачальника — одно искусство, или два? Что ты скажешь?

Ион. По моему, одно.

Сократ. Значит, кто хороший рапсод, тот оказывается и хорошим военачальником?

Ион. Непременно, Сократ.

Сократ. И кто оказывается хорошим военачальником, тот и хороший рапсод?

Ион. Этого-то я не думаю.

Сократ. Но что тот, кто хороший рапсод, есть и хороший военачальник, — это ты думаешь?

Ион. Именно.

Сократ. Не лучший ли ты рапсод, чем любой из эллинов?

Ион. И гораздо лучший, Сократ.

Сократ. Так ты и военачальник, Ион, лучший среди эллинов?

Ион. Будь уверен в этом, Сократ; и научился я этому из произведений Гомера.

12

Сократ. Ради богов, Ион, почему же в таком случае ты, лучший из эллинов и военачальник и рапсод, только поешь, разъезжая среди эллинов, а не начальствуешь над войском? Или ты думаешь, что рапсод, увенчанный золотым венцом, очень нужен эллинам, а военачальник — не нужен? C

Ион. Наш город, Сократ, находится под вашей властью и военным начальствованием и вовсе не нуждается в военачальнике, а ваш город и город лакедемонян не выберут меня военачальником: вы рассчитываете, что и сами справитесь.

Сократ. Любезнейший Ион, ты не знаешь Аполлодора из Кизика?

Ион. Какого это?

Сократ. Того, кого афиняне много раз избирали стратегом, хотя он и чужестранец; и Фаностена из Андроса, и Гераклида из Клазомен, которым наш город поручает и стратегию и другие должности, так как они, хотя и чужеземцы, показали себя достойными этого²⁷; а Иона эфесца город наш не изберет военачальником и не почитит этим званием, если он окажется достойным. Что ж? Разве вы эфесцы не афиняне издревле²⁸, или Эфес уступает какому-нибудь другому городу? Но ты, Ион, если говоришь правду, что, благодаря умению и знанию, способен восхвалять Гомера, поступаешь несправедливо: пообещав показать, как много хорошего ты знаешь о Гомере, ты обманываешь меня и далек от того, чтобы показать мне это, не желая сказать даже того, чего я давно добиваюсь, — что это такое, в чем ты силен. Вместо того ты, прямо как Протей²⁹, извиваясь во все стороны, принимаешь всевозможные обличья и, в конце концов, ускользаешь от меня, оказавшись военачальником, чтобы не показать, как ты силен в гомеровской мудрости. Вот я и говорю, если ты обманываешь меня, не сдержав обещания пока- 542

зять свою ученость относительно Гомера, то ты несправедлив; если же, как я сказал о тебе, ты не учен, а ничего не зная из Гомера, по божественному указанию, будучи одержимым, говоришь об этом поэте много прекрасного, то ты ни в чем не поступаешь несправедливо. Итак, выбирай, кем ты хочешь у нас считаться — несправедливым человеком или божественным?

Ион. Большая разница, Сократ: ведь гораздо прекраснее считаться божественным.

В Сократ. Вот этим более прекрасным и подобает тебе быть у нас, Ион; ты — божественный, а не ученый хвалитель Гомера.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ (530 А). Эфес — один из двенадцати важнейших ионийских городов в Малой Азии.

² (530 А). Город на восточном побережье Пелопоннеса, знаменитый храмом Асклепия.

³ (530 А). *Ἀσκληπιεία* — празднества в честь Асклепия, бога врачевания, справлялись в Эпидавре раз в четыре года.

⁴ (530 А). О рапсодах, см. Введение, стр. 75.

⁵ (530 В). *Παναθήναια* — праздник в честь Афины, справлявшийся в Афинах раз в четыре года, в конце июля — начале августа.

⁶ (530 D). Метродор (V в.) — основоположник аллегорического метода толкования Гомеровских поэм; Стесимброт Фасосский (V в.) — автор сочинения „О поэзии Гомера“. Оба, следовательно, не рапсоды, а ученые грамматик. О грамматике Главконе, помимо нашего места, сведений нет.

⁷ (530 D). Гомериды, собственно „потомки Гомера“ — засвидетельствованное Пиндаром (Нем. II, 1) название эпических поэтов.

⁸ (533 А). Полигнот — первый из великих греческих живописцев (первая половина V века). Некоторое представление о творчестве Полигнота дает современная ему вазовая живопись, испытывавшая сильное влияние с его стороны (см. Б. В. Фармаковский, Аттическая вазовая живопись, СПб. 1902).

⁹ (533 В). Дедал — мифический строитель Критского лабиринта, считавшийся первым скульптором; ему во времена Платона приписывались некоторые архаические статуи. Легендарная личность и Эпей — строитель Троянского деревянного коня. Более достоверные сведения сохранились о Феодоре с острова Самоса (начало VI века), изобретателе техники литья из бронзы.

¹⁰ (533 С). Олимп — мифический певец и флейтист, имя которого упоминается в связи с известиями о малоазийском культе Великой матери богов. Фамир, как и более известный по легенде о нисхождении в подземное царство Орфей, фракиец, по преданию, первый стал играть на кифаре без пения; за попытку превзойти в искусстве Муз был ослеплен ими (Илиада, II, 594). О Фемии упоминает Гомер (Одиссея, XVII, 262), как об исполнителе эпических поэм, прототипе рапсодов.

¹¹ (533 D). Магнесия и Гераклея — города в Лидии (Малая Азия), близ которых находились залежи магнитного железняка (называвшегося также Лидийским камнем).

¹² (533 E). *Μελοποιοί*, т. е. творцы мелоса или песен.

¹³ (534 А). Корибанты — фригийские жрецы Кибелы, совершавшие служение ей в форме иступленной пляски; по аналогии, „корибантствующими“

называются вообще участники всякого экстатического культа, каковы, например, вакханки, о которых говорится ниже.

¹⁴ (534 В). Повидимому, довольно распространенный мотив античной поэзии; близкий вариант — у Лукреция, I, 926.

¹⁵ (534 С). Дифирамб — гимн, первоначально в честь Диониса, впоследствии также и других богов. Энкомий — хвалебная песнь. Ипорхема — песнь с сопровождением пляски. Ямбическая форма, по почину Архилоха, была усвоена сатирической (в нашем смысле слова) поэзией.

¹⁶ (534 D). Других сведений о Тиннихе не сохранилось.

¹⁷ (534 D). Пеан — разновидность дифирамба, от имени Аполлона, как бога целителя, *Παιών* или *Παίων*.

¹⁸ (535 В). Одиссея, XXII, 1 сл.

¹⁹ (535 В). Илиада, XXII, 131 сл.

²⁰ (536 В). Мусей, как и большинство упоминаемых в диалоге „классиков“, — лицо легендарное; под его именем дошло до нас несколько произведений греческого эпоса.

²¹ (537 В). Илиада, XXIII, 335 сл. (перевод Минского).

²² (538 С). Илиада, XI, 639 сл. Вторую половину второго стиха Платон по ошибке заменил окончанием ст. 629.

²³ (538 D). Илиада, XXIV, 80 сл.

²⁴ (538 E). Меламп, по преданию, — древнейший прорицатель, понимавший язык птиц, основатель культа Диониса в Греции. О нем упоминает Одиссея, XI, 291 сл. О Феоклимене, см. Одиссея, XV, 223 сл.

²⁵ (539 В). Одиссея, XX, 351 сл. — перевод Жуковского (один стих у Платона пропущен).

²⁶ (539 D). Илиада, XII, 200 сл.

²⁷ (541 С—D). Предоставление Фаностену, вместе с другими андросцами, прав афинского гражданства можно, на основании свидетельства оратора Андокида (I, 149), отнести к 399 г. О Гераклиде сохранилось упоминание у Аристотеля (Пол., 41, 3) и надпись (I G. II 28), позволяющие датировать получение им прав гражданства приблизительно 403 г. Упоминаемый Павсанием (I, 29, 10) Аполлор из Кизика жил во времена Филиппа Македонского, следовательно, после смерти Платона; поэтому, признавая „Иона“ подлинным, необходимо предположить, что гражданство получил до того какой-то другой Аполлор.

²⁸ (541 D). Эфес, вместе с другими ионийскими городами Малой Азии, был, по преданию, основан выходцами из Афин во главе с сыновьями царя Кодра.

²⁹ (541 E). Протей — „морской старец“ — оборотень; о нем подробно рассказывается в Одиссее, IV, 363 сл.